

УЧТЕНО
1949
И Д

12-го июня
1920 г.

№
7-й

ГОЛОС

Изд. год 1-й.

МАКСИМАЛИСТА

Орган Амурского Союза Соц.-Рев. Максималистов.

ИЗДАНИЕ НЕ ПЕРИОДИЧЕСКОЕ.

Вся власть, вся земля, фабрики и заводы трудящимся!

ДА ЗДРАВСТВУЕТ ТРУДОВАЯ РЕСПУБЛИКА!

О б ъ я в л е н и е.

ДО НАС ДОШЛИ СВЕДЕНИЯ, что наш журнал „Голос Максималиста“ некоторыми политическими уполномоченными при воинских частях, по каким то соображениям

НЕ ДОПУСКАЮТСЯ К РАСПРОСТРАНЕНИЮ

среди тов. красноармейцев и партизан, а поэтому просим тов. красноармейц. и партизан ТРЕБОВАТЬ от своего начальства, ибо наш журнал раздается БЕЗПЛАТНО по всем воинским частям в большом количестве.

РЕЗОЛЮЦИЯ

Областной Конференции Амурского Союза С. Р. Максималистов по текущему моменту.

Русская рабоче-крестьянская революция развилась и окрепла под красным знаменем Социализма и, установив в России диктатуру трудящихся, тем самым взяла на себя руководство международной трудовой социалистической революцией.

Но враги рабоче-крестьянской революции, русские и иностранные империалисты-помещики, фабриканты, банкиры и генералы, по-

терпевши позорное поражение в открытом бою против революционных Советов трудящихся масс России, испытавши способ политическо-экономической блокады русского революционного центра и не достигнув этой своей преступной цели, вновь пытаются задушить свободу, добытую таким колоссальным количеством жертв и кровью трудового народа, стремятся нанести смертельный удар в сердце революционной России при помощи реакционно буржуазной Польши, выступившей на

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИМЭЛ
ОРИ ИК ВП(С)

путь вооруженного захвата Советской Украины на Западе и на Дальнем Востоке, опираясь на штыки Японских империалистов, вероломным выступлением в ряде Дальне-Восточных городов, пытаются свергнуть власть трудовых Советов, заменив таковую зелено-розовой властью демократической республики, которая, в силу создавшихся объективных условий, вынуждена будет идти на поводу иностранных империалистов, стремящихся во что бы то ни стало и под каким угодно предлогом создать на Дальнем Востоке черный реакционный буфер, парализуя действия местных революционных трудовых сил, подготавливая нанести сильный удар по революционному центру России с востока.

Областная Конференция Амурского Союза С. Р. Максималистов, признавая только власть советов, как истинную выразительницу воли трудящихся, без согласия таковых не может признать вхождение Амурской обл. в буферную зону Дальне-Восточной демократической республики, а потому требует от исполнительных органов областной власти немедленного созыва Съезда Советов Амурской Области для решения этого кардинального вопроса, который должен состояться не позднее 15 июня с. г.

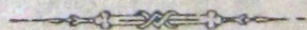
В интересах гарантии сохранения революционных завоеваний, мы, Максималисты, допускаем ведение, существующей властью Амурской области, переговоров с целью осуществления следующих условий:

- 1) прекращение интервенции, т. е. вывод японских захватчиков из нашей территории.
- 2) полное невмешательство интервентов в наши внутренние дела,
- 3) отказ японцев от поддержки каппелевских и семеновских банд,
- 4) сохранение и неприкосновенность нашей армии и ее вооружения,
- 5) окончательное условие должно быть санкционировано для Амурской обл. Съездом трудящихся.

Союз С. Р. Максималистов, всегда стоя на защите завоеваний Социальной революции и интересов трудящихся, как передовой революционный авангард, стоящий на платформе непримиримой борьбы со всеми врагами трудового народа, не может отступить ни перед какими хищническими замыслами международных империалистов и будет вести самую ожесточенную борьбу всеми имеющимися в распоряжении силами и средствами, в случае непризнания выставленных условий.

И в данный момент, видя надвигающуюся сильную угрозу со стороны международных жандармов, призываем всех, кто не хочет быть рабом буржуазии, в ком бьется сердце революционера, всех, кому дороги завоевания октябрьской революции, готовиться к решительной борьбе с насильниками и захватчиками прав трудового народа, и при первой дальнейшей попытке захватчиков, двинуться в решительный и беспощадный бой.

Да здравствует Власть Трудовых Советов!
Да здравствует Всемирная Социальная Революция!

Труд и дисциплина.

Труд и дисциплина—вот лозунг, который выдвигает жизнь в настоящий момент.

Какая зависимость существует между трудом и дисциплиной? Разберемся. Труд, как всем известно, подразумевает всех трудящихся, как то—Трудовое Крестьянство, пролетариат и трудовая интеллигенция—интеллигенция, работающая в интересах, как Крестьянства, так и пролетариата. Понятие о труде определенное и останавливаться на этом не приходится. И всякий, эксплуатирующий рабочего в интересах капиталиста, не может называться трудящимся и быть причислен к труду. Наименование таким—эксплуататоры.

Будем говорить о дисциплине.

Дисциплина труда заключается в том, что трудящиеся должны строго согласовать свои действия с указаниями своих револю-

ционных организаций, как в вопросах внутренней и внешней политики, так и в вопросах экономического характера. Если это всегда будет, то революция пойдет так, как нужно труду. Это будет показателем того, что Трудовое Крестьянство и пролетариат имеют революционную дисциплину или, короче говоря—труд тесно связан с дисциплиной, что крайне нужно сейчас для завоевания от буржуазии того, на что он давно уже имеет законные права, а именно: земля, фабрики, заводы, копи, и т. д.

Организованный труд могуч и он раздавит не только отечественную буржуазию, но и иностранную. Не даром иностранная буржуазия так заинтересована в том, чтобы задушить нашу революцию—революцию социалистическую. Правда, у нас нет революционного пожара в настоящий момент на

Востоке, у нас только искра его, но и этой искры буржуазия боится настолько, что все время совещается в Париже и Лондоне по, так называемому, «Русскому вопросу». Эти совещания есть ни что иное как выработка плана похода иностранной буржуазии против нашей революции. На этих совещаниях буржуазия тоже организовывается против своего классового врага — Крестьянина и Рабочего, но она погибнет в этой борьбе, похоронив с собой капиталистический строй.

Неудавшаяся интервенция волнует буржуазию всех стран.

Интервентные силы на Д. Востоке, являющиеся авангардом мировой реакции — странно нервничают своим присутствием трудящихся. Разве не тревожит сейчас мысль каждого Крестьянина и Рабочего о том, скоро-ли уйдут интервенты, препятствующие возглавлению Советской Власти во Владивостоке? Конечно! Но вместе с тем трудящиеся не предпринимают ничего активного в этом направлении только по тому, что не получают директивы от Своих революционных организаций, сохраняя дисциплину.

Эта дисциплина труда возглавляется на местах заводскими, фабричными, судовыми, ротными, полковыми и т. д. комитетами, в отношении политики внутренней и внешней. Трудовое Крестьянство и Пролетариат сознали важность дисциплины и последние события на Дальнем Востоке в особенности подчеркивают, что труд и дисциплина идут нога в ногу.

Никакие истеричные выкрики глашатаев революции, признающих советскую власть „по стольку — по скольку“, не останавливают даже минутного внимания трудящихся. Поэтому кроме недоверия — возвышенные фразы этих, так называемых социалистов, не производят впечатления. Большие ясности и

определенности в смысле отношения к Советской власти. Меньше замысловатости в своих выкриках в сторону трудящихся о том, что и они являются защитниками труда. Но ясно, что трудовой народ для них потерян навсегда. Труд имеет организации, отвечающие их, только их, интересам и они за ними идут. «Уфимское государственное совещание 1918 г.», совещание, где фактически такие социалисты за чечевичную похлебку продали революцию и интересы трудящихся, конечно, не забудется никогда трудовым народом и в данном случае социалистам правого толка можно говорить не о народоправстве каком-то, выявляющемся в самоуправлениях а о раскаянии перед трудящимися. Всякие самоуправления остались на перевернутой странице истории и никогда не могут выявить диктатуры трудящихся. Поэтому отжившими вещами, ушедшими в область истории — трудящихся перетянуть на свою сторону — дело безнадежное: труд может только сказать: „с нами вы или против нас“. Если да, то забудьте о сообществе с теми людьми, которые вам наставили рога на совещании в Уфе, и встаньте на определенную Советскую платформу, поработайте для трудового народа и вам простится многое. Не будьте, хоть уж теперь, волками в овечьей шкуре.

Товарищи Крестьяне и рабочие! теснее смыкайте ряды трудящихся вокруг союза максималистов, стоящего на чистой, без всякой партийной, поддержки советской власти.

Да здравствует революционная дисциплина трудящихся!

Да здравствует диктатура труда!

ПРОЧЬ РУКИ.

Великая октябрьская революция, призвавшая трудовые массы к полному освобождению от гнета капиталистов, банкиров, эксплуататоров, порабощения человека человеком т. е. к полной независимости трудовых масс от тунеядцев и бездельников к свободному их творчеству, развернулась в мировую социальную революцию. И в трудовых массах всего мира зародилась глубокая вера в то, что действи-

тельно настала пора переустройства их жизни на новых социалистических началах. Имея перед собой факел революционного движения русского пролетариата — они ответили, сделав ряд выступлений и забастовок, и нет ни одного государства, где бы отзвуки русской революции не получили сочувствия трудовых масс и ответа в виде забастовок и выступлений.

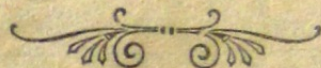
Кто будет отвергать мировую револю-

цию, кто будет отвергать, что интересы трудящихся всего мира одинаковы, ибо какой бы страны или расы рабочий не уехал в то или иное государство,—его жизни картина не меняется, он становится рабом хозяина. Только в том и разница, что уехал от Петрова, а попал к Ротшильду, или наоборот. Ибо нет еще ни одной страны, где бы была запрещена эксплуатация человека человеком. И вот, когда весь мир трудящихся принимает те или другие шаги к своему освобождению, усваивая самую структуру трудовой власти провозглашенной в 1906 г. С. Р. Максимиалистами на практике революционной работы усвоившими необходимость призывать массы к классовой борьбе за Трудовые Советы, (к торые также стала проводить в жизнь и партия К. Большевиков). Когда эти Советы воплощаются в жизнь и трудовые массы во очию убеждаются что они действительно сами непосредственно становятся во власти, как экономической, так

и политической. Буржуазия и ее приспешники начинают ее будировать на свою сторону и обещать ей все выгоды, когда де мы будем вами править, и 6-ти, даже 4-х часовой рабочий день, и социальное страхование и т. д., о чем раньше и не думали, царствуя сотни лет.

Прочь мерзкие руки предателей! Прочь, подлые шептуны! Мы хорошо знаем, что творим и можем взывать за помощью лишь к трудовому народу всего мира, а не к генералам и другой твари, жиреющей от пота трудящихся. Лучше сдайтесь, или будете уничтожены мы-соль земли, производительная сила и громко говорим: все для борьбы за социальную революцию. Не щадя своей жизни вступаем с вашими наймитами в бой.

Сапожник.

ЕСТЬ - ЛИ СИЛА?

Есть ли сила, которой трудовая республика была-бы выгодна, которая могла бы ее добиться? Да, есть.

Во, первых рабочие, конечно. Ничего не имея, кроме рук своих, они создают этими руками богатства капиталистам.

Во-вторых—громадное большинство крестьян.

Не от одного только самодержавного строя страдают крестьяне. Их труд уходит не на одни только подати и налоги. Нет! Громадное большинство крестьян страдает от капиталистов, большая часть крестьянского труда уходит капиталистам.

Действительно, крестьянство страдает от безземелья и малоземелья. У кого земли нет или мало ее, вынужден либо арендовать землю и платить за нее часть своего труда, либо заниматься и своим трудом поставлять доходы помещикам и богатым мужичкам хлебобором.

У бедных крестьян зачастую бывает, что не хватает на посев хлеба, и они вынуждены занимать и платить вдвое деревенским кулакам.

Класс торговцев хлебом и другими сельскими продуктами, продающие в постоянном соперничестве (конкуренции) друг с другом, как можно дешевле, вознаграждают себя, скупая за бесценок труд, вечно нуждающегося в деньгах крестьянина. На-

конец и государство берет с крестьянина налоги и часть отдает на поддержку крупных капиталистов.

Таким образом, огромное большинство крестьян страдает от того, что земля и капиталы находятся в руках у отдельных лиц. Рабочие и большинство крестьян получают неисчислимые выгоды тогда, когда вся земля, фабрики, машины перейдут всему трудящемуся народу.

Солдаты—те же рабочие и крестьяне. Сила есть. Этой силе не достает сознания.

Все, что помогает прояснению сознания угнетенных, подъему их готовности к борьбе, порождает ненависть к гнету и эксплуатации капиталистов, сплоченность в борьбе за трудовую республику приближает рабочих к освобождению.

Все, что затемняет сознание, угащает в рабочих стремление к освобождению, угащает в каждом из них боевые стремления, питает в них несбыточные надежды, путем сделок с эксплуататорами, достичь своего плложения, все это вредит рабочему классу, и отдаляет день освобождения.

Ждать, пока новые капиталисты появятся—нельзя. Надо же теперь немедленно приступить к закреплению Советской Власти, к постановке свободного труда.

Цели борьбы.

Тернист путь, по которому идет трудовая революция. Она казалась задавленной набросившимися, как черные вороны, со всех концов хищными зверями международного империализма, но теперь стала безповоротно на путь трудового строительства. Все хитро сплетенные планы, как русских так и иностранных вампиров, стремящихся усмирить бунт голодных рабов, экспуатируя труд которых, устраивая свои пьяные оргии, потерпели полное поражение. Теперь снова сам народ через свои Советы берет руль корабля страны и управляет твердой мозолистой рукой, направляя по определенному руслу социалистического развития, а чтобы не сбиться с курса этого пути нужна усиленная энергия, вера в те идеалы, которые были провозглашены октябрьской революцией. И мы, максималисты, отрицающие всякую соглашательскую политику в сторону парламентаризма, действующие под лозунгом: вся земля, фабрики, заводы—трудовому народу, заявляем что при сохранении частной собственности на средства и орудия производства и контроля голодного желудка не освободят трудящихся от экзистации.

Во имя этого идеала, идеала царства труда мы обращаемся с призывом к вам, товарищи крестьяне!

Вся земля должна перейти тому, кто на ней трудится, не должно быть места паразитам среди трудовой семьи, только трудовая коммуна, только равномерное распределение продуктов производства среди членов семьи трудящихся, товарообмен на фабричные продукты производства и взаимная солидарность между трудящимися всех отраслей, участие в органах советской власти, отстаивание принципа коллегиального правления, строгий политический контроль представителей этой власти, приведет вас к желанной цели—социализму, сотрет все грани экономического неравенства.

Товарищи рабочие и работницы!

Вы, как революционный авангард трудовой революции, высокодержавшие кровавое красное знамя труда, провозглашая мир всему миру, шли верной поступью со своим союзником трудовым крестьянством, вышли победителями в борьбе с капиталом. Теперь, когда власть в стране перешла в руки трудящихся за исключением Дальнего Востока и той пробки Читы, где во всю действует русская и иностранная авантюра, вы немедленно должны взять на местах в свои руки все фабрики, заводы, рудники и копи, отбросив на время все личные счеты и свои личные интересы, приняться с удвоенной энергией к уве-

личению производительности труда, дабы тем самым покончить раз навсегда с „помазанниками божьими“ вампирами.

Вы трудовая интеллигенция! Те у кого не изжита еще иллюзия обывательщины, боящиеся осуществления социализма, благодаря вашему неверному пониманию, что при осуществлении его у вас отнимется та привелегия, которая давалась вам, как милостыня за ваши лакейские услуги.

Избавьтесь от старых предрассудков идите в народ, народ зовет вас, ибо вы тоже дети трудовой семьи, только с народом вы можете добиться того счастья, которое было отнято у вас тунеядцами.

Товарищи партизаны! Вы дети народа, непокорные бунтари, власти авантюристов типа Прищепенко, Калмыкова и др... Изъявившие свой протест по поводу насилия над личностью человека, с оружием в руках защищавшие идею социализма, на своих плечах вынесшие всю тяжесть партизанской борьбы, не давшие этой гидре реакции распустить свои корни зла, своей мощной рукой сбросили ненавистный вам трон „атаманов“ и на его месте построили новое здание свободы, равенства и братства. Теперь, когда трудовая революция снова чудесно развернулась во всю ширь, с гордо поднятым красным знаменем труда, творит непреклонную волю народа, для вас, товарищи партизаны, задачей момента является усиленное проявление энергии для выполнения задач возложенных на вас трудовой революцией, ибо борьба еще не закончена на пути есть еще препятствия, как Дальний Восток, где нет коренной ломки, где еще до сих пор у власти стоит розовое „офицерство“, благодаря которому русская реакция свила себе гнездо и при помощи японской жандармской гвардии устраивала беспощадную бойню. Теперь, когда решается вопрос освобождения труда от капитала, нет места соглашательству с розовой „властью“, ибо Япония хорошо учитывает, что земство это несчастная пародия власти, это только ширма империалистов, мы даем только лишний козырь в руки врагов.

Все! Кому дорога свобода и счастье народа организовывайтесь в боевые дружины.

Время слов прошло—приступайте к делу. Все вперед на борьбу за землю, фабрики, заводы, рудники, копи за полную волю, и долю и власть трудового народа.

(С. и М.)

Прошлое.

В стороне от проезжей дороги,
Где лишь ворон злоеющий летал,
Где рыдают сибирские вьюги,
Да порой хищный зверь пробежал.—

Там стояли зеленые ели,
Наклонившись ветвями к земле
И о чем то печально шумели,
Вторая вьюга в чернеющей миле.

Эти ели однажды видали,
Как суровою зимней порой,
С выражением тихой печали,
Умирал здесь беглец молодой...

Он бежал из холодного края,
Куда сослан давно уже был,
Где покоя, отрады не зная
Молодые года проводил.

Столковавшись по милой подруге,
Вспомнив старую добрую мать,
Он в жестокою зимнюю вьюгу
В край родной порешил убежать

Чуть прикрывшись дряхлой одеждой,
Он отважно по снегу шатал

И безумной и смелой надежды
Все беглец молодой не терял..
Весь разбитый, молодой, усталый
Отдохнуть он под елями лег,
Но кровь в жилах его остывала—
И подняться он больше не мог.

Ниже ели ветвями повисли,
Будто слясь его защитить..
В юлове проносились мысли—

Как мучительно жаждал он жить!..

Побелевшие губы шептали
Имена близких сердцу людей;
Хлопья снега его покрывали
Простыней белоснежной своей...

Еще ниже склонялися ели,
Буйный ветер на них налетал,
Ветви елей о чем то шумели
Ветер жуткую песнь завывал.

В. Львов.

НЕОТЛОЖНЫЕ ЗАДАЧИ.

Революционное движение России есть трудовое по преимуществу, так как авангардом его является пролетариат и трудовое крестьянство, и нет сомнения, что оно направится на уничтожение наиболее тяжких и коренных форм эксплуатации, на то, что сложится рабочему классу всей тяжестью на плечи. Но чтобы это движение не затерялось в заколдованном кругу политиканства, которое создали вокруг него разные оппортунистические элементы, чтобы эту неотложную задачу возможно больше приблизить к осуществлению, нам в настоящее время необходимо выше поднять знамя социально-освободительного движения, чтобы оно было видно всем обездоленным и увлекало-бы их страстью и убеждением навстречу восходящей заре новой и лучшей жизни.

Мы не страшимся выставлять лозунги немедленного социального переворота, осуществление которых завершит собой цикл различных общественных форм, основанных на рабстве, нищете, темноте и разврате. Мы верим в неистощимое творчество жизни, неумолимо свершаю-

щей свой путь к более совершенным формам общежития, разбивающей все кристаллизованные формы мышления, упрощающей все логические сложные проблемы, перерабатывающей в горниле своего творчества органически—консервативную природу человека.

Но наша вера не метафизическая, мы основываем ее на знании, на постоянном критическом анализе действительности, она есть лишь субъективно—теологическое выражение научно-обоснованных взглядов.

Да, мы знаем, что в русской жизни есть данные для социального переворота, если этот переворот понимать реально, именно, как уничтожение частной монополии на средства производства в индустрии и на землю, мы знаем, что социалистические идеи нашли себе стойких поборников в передовых слоях рабочего класса и во всей его массе, что стихийный рост движения всколыхнет и массы, увлекая их на путь социального переустройства. Чтобы внести в это движение ясность и последовательность, мы считаем своим убеждением *теперь же*

развить перед массами в конкретных формах идеи социализма.

Технический план переустройства общества на новых началах мы должны продумать и упростить настолько, чтоб даже уровень сознания массы мог указать ей, что в данном строе и как нужно разрушать, чтобы заложить фундамент нового общества.

Как уже было упомянуто выше, мы исходим из точки зрения практического социализма, т. е. мер, которые нужно осуществить в первую очередь, как основные пункты социалистического развития общества. Для этого необходимо всю землю изъять из товарного обращения и передать в ведение крестьянских земельных комитетов для правильного

и справедливого распределения ее среди крестьянства на общее благо. Фабрики, заводы, рудники, шахты, машины, капиталы и здания необходимо передать в руки самих трудящихся) лишив таким образом хозяев-фабрикантов источника эксплуатации.

Уничтожение коренной основы буржуазного строя экономической эксплуатации и установление трудовой республики для процессии органического внедрения социализма,—вот главные базы наших революционных задач в настоящее время.

Ф. Светлов.

Н О Ч Ь Ю.

*В эту дивную ночь далеко от земли
Я б хотел улететь без возврата назад,
Где торжественно так в темно синей дали.
Золотые светила горят.*

*Я б забыться хотел от сомнений лихих,
Что смущают мой сон в эту ночь
Друг, не мучь, не буди впечатлений былых,
Ты развеи думы черные проч!*

*Посмотри, как луной озарилась земля,
Соловей как рыдает в саду.*

И в дыханьи цветов утопают поля

И стою я в каком то бреду.

*Я то плакать хочу, то смеюсь над собой,
Бесконечно, жестоко смеюсь*

*То люблю, как дитя, с затаенной тоской,
То любви, как отравы, боюсь.*

*В эту дивную ночь из усталой души,
Как кошмар, выползает печаль.
В этой синей дали, средь глубокой тиши
Мне чело-то мучительно жаль.*

Жаль мне песен борьбы недопетых,

Жаль завядших весенних цветов,

Братским словом любви несогретых

Жаль погибших героев бойцов.

Жаль замученных в тюрьмах холодных,

Жаль погибших в петле палачей,

Жаль непонятых, падших, юродных,

Истрадавшихся братьев-людей.

Жуковский.

Демократическая или трудовая республика.

Революция будет буржуазной—говорили все лжепророки общественной науки.

Ни одно из предсказаний этих пророков, как только оно было ясно и определенно высказано, не сбылось. Крестьяне, по их мнению, мелкие собственники должны были выставить священный принцип частной собственности.

Крестьяне в своих приговорах, союзах, наказах всегда стоят за социализацию земли, за общественное владение на землю—основу их труда и жизни.

Рабочие крупной промышленности, по существу социалисты, говорили пророки, но рабочие, руководимые этими же про-

роками и их товарищами, до сих пор выступали только за улучшение своего положения, а священного принципа частной собственности не касались.

Революция будет буржуазной—говорят лжепророки,—т. е. революция провозгласит священный принцип частной собственности на землю, фабрики, заводы и, значит, право на эксплуатацию богачами всего трудового народа. Но эти же пророки являются руководителями рабочих масс; их пророчества—это уже пропаганда среди рабочих, мысли о необходимости идти в борьбу не затрагивая источника и корня всех страданий чело-

вечества—капитализма. И подобно тому, как сотни лет тому назад во Франции буржуазные руководители вели массы умирать за «свободу, братство и равенство», в то же время объявляя собственность священной, так и теперь выходы буржуазии у нас в России, как и всюду, ставшие, силой вещей, благодаря своим знаниям, во главе малосознательных рабочих, зовут в буржуазную революцию выставляя в идеал социализм,— «свободу, братство и равенство».

Но положение вещей за сотни лет изменилось. То, что было ясно тогда только несколько преданным обездоленному люду деятелям, теперь стало ясным всей рабочей массе. Нет равенства политического без равенства экономического—говорит Бабеф и его друзья.

История это подтвердила самым наглядным образом. При демократической буржуазной республике в Швейцарии, во Франции рабочие лишены возможности жить по человечески, эксплуатация рабочих и мелких крестьян так велика в тех странах с всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием, что трудовые слои являются почти такими-же рабами, как их деды и прадеды.

Наши рабочие знают, что в Швейцарии 11-ти часовой рабочий день, что пятая часть Лондона живет в положении нищих, что безработица свирепствует в западно-европейских странах. Революция, развиваясь, выбрасывает на улицу все большее и большее количество рабочих, и не одного только всеобщего, прямого, равного и тайного потребуют они. Хлеба им нужно—им, их женам, их детям. Они пойдут на жертвы, но не для того, чтобы открыть у нас путь для банкиров, капиталистов к эксплуатации всего народа.

Хлеба!

Буржуазия им выкинет кость—общественные работы. Но пред рабочими у нас имеется пример. В 1848 году буржуазия во Франции устроила общественные работы и кончилось это жестоким подавлением обманутых рабочих.

Хлеба! Этот хлеб завоюют сами рабочие, захватив власть в свои руки и устроив все производство общественным. А сила рабочих будет громадная; революция выбросит их на улицу, вместе с ними выбросит она массу разоренных мелких собственников. И в то время, как крестьяне ополчились в деревне на свя-

щенный принцип частной собственности, на землю и, понятно уже, и на дорогостоящие машины, рабочие скажут, что право на жизнь, на труд, на свободу—священное право человека. Фабрики, трудом рабочих созданные, трудом рабочих оборудованные должны стать общественными.

Управляются ли рабочие с производством? Разве капитализм и самодержавие не сделали их темными, невежественными, не имеющими друг к другу ни любви ни доверия рабами говорят иные.

Да, может быть, взяв непосредственно в свои руки производство, рабочие с ним не справились бы. Но общественное, избранное рабочими и ответственное перед ними, управление, конечно справится.

Ведь ведут производство акционерные компании, состоящие из людей, которые порой не знают, где находится предприятие, ведь ведут производство полуграмотные купцы, ведь вело производство на казенных заводах наше неответственное ни к чему не пригодное самодержавное правительство. Сказать, что общественное избранное и ответственное управление не справится с этими же делами—значит отрицать самую необходимость выборности и будучи последовательным, стать в ряды реакции. Строй, который наступит теперь после диктатуры (захвата власти) трудового народа далек еще от идеала, к осуществлению которого не готовили человечество ни самодержавно-буржуазный, ни демократическо-буржуазный строй.

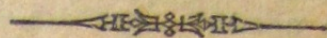
Но трудовая (социальная) республика, обеспечив каждому право на жизнь, на труд и на знание, откроет путь к дальнейшему развитию. И те, которые вырастут при экономическом равенстве, будут способны осуществить порядки, являющиеся для нас, рабами рожденными, идеалом, мечтой. Провозглашение в одной стране трудовой республики не может не повлечь за собой всемирного восстания труда против капитала—оно уже началось. Вот почему со страхом и ненавистью глядит буржуазия всего мира на подымающийся рабочий класс в России. Вот почему с другой стороны рабочие запада, объединенные в партии и союзы, заволновались и ждут от нас нашего слова в истории. Во имя интересов трудящихся всего мира это слово

должно быть не смотря на ненависть врагов, не взирая на лжепророчества друзей—*трудовая республика.*

Вся власть, вся земля, все фабрики, заводы, рудники, все, что служит в руках частных лиц источником порабощения,

должно перейти в руки всею трудящеюся народа, для общего пользования, для общего блага.

Сергей Л-ович.

Памяти Владимира Мазурина.

Впервые узнал я Владимира Мазурина в той же Таганской тюрьме, в которой его повесили.

Среди других политических—большую частью молодых рабочих и студентов—он сразу выделялся энергичным лицом своим, смелую простотой и какой-то особенной внушительностью. Заметно было что не только на товарищей своих, но и на тюремную низшую администрацию он действовал покоряюще; все его знали, все внимательно прислушивались когда он говорил, и советовались с ним. Тюремные сторожа, те самые, вероятно, что в последствии строили для него эшафот, ласково называли его Володей, говорили о нем с улыбкой, ибо был он весел и любил шутить,—но и с некоторым опасением в то же время. Спокойно и уверенно отводя других заключенных в их камеры после прогулки, Володя они мягко упрашивали, и, случалось, что все уже заперты, а он один ходит по корридору и заглядывает к товарищам в окошечки: подморгнет, весело покажет белые зубы и крикнет что-нибудь такое простое, дружеское, иногда смешное даже, от чего легко станет на сердце. И чаще всего он забегал к новичкам. И в других отношениях он заботился о товарищах: доставал им бумагу, устраивал переписку с родными, снабжал «телефоном».

По виду Владимир Мазурин был скорее похож на рабочего, чем на студента, носил пиджак поверх синей рубахи и небольшой серый картузик. Росту был он среднего, но широкоплеч, коренаст и, видимо, очень крепок; и голос имел звучный и сильный. И еще только пробивались борода и усы. В Таганку он был переведен из Бутырской тюрьмы, где его с некоторыми товарищами подвергли зверскому избиению; у одного из избитых началась чахотка, а Мазурин вообще стал слабее здоровьем

и уже не мог петь. А раньше пел.

По утрам, когда тюрьма просыпалась, первым товарищи начинали выкликать Мазурина: просто, должно быть хотелось услышать его всегда добрый и как-то звуком своим обнадеживающий голос. И когда на прогулку он выходил, то об этом можно было догадаться по крикам, которые, сквозь решетки окон, падали к нему во двор и возвращались назад веселым Эхом.

После вечерней поверки, когда тюрьма затихала, Мазурин читал газету. Начиналось это с того, что одно за другим хлопали окна и чей-нибудь голос протяжно и певуче выкликал:

— Товарищи, собирайтесь!

К нему присоединялся другой голос, такой же протяжный и певучий.

И десятки голосов, переливаясь, многократно повторяясь эхом, таким сильным среди гладких тюремных стен, сливались в неясный музыкальный клик.

— Товарищи собирайтесь!

Было это зимою, и на подоконники все взлезали тепло одетые.

Один только Мазурин оставался в своем неизменном пиджаке и рубахе. Возле себя он ставил лампочку и начинал читать заранее отмеченные им места—по условиям места, каждое слово нужно было выкрикивать отдельно, большой паузой ограничивая его от следующего слова, и прочесть все было невозможно.

Я никогда раньше не думал, что газету можно читать так интересно, как читал ее Владимир Мазурин. Каждое слово он произносил своеобразно, резко подчеркивая и смешное, и нелепое, и трагическое: в тишине ночи, когда внизу только скрипел заржавленный фонарь, простые газетные слова взрывались, как бомбы, звучали, как смех сатаны. Особенно старательно выговаривал Мазурин громкие титулы, не выпуская из них ни слова, и сколько ни пи-

сать дурного об этих титулах в ничтожных носителях их, хуже того, что получалось у Мазурина,—не будет.

Как раз в это время вышел февральский манифест, и началось газетное ликование по поводу дарованных свобод. В тюрьме, куда праздничные слова приходили сквозь железную решетку, особенно чувствовалась их наивная, слепая ложь,—а когда читал их Мазурин, к ложли присоединялся легкий оттенок такого же наивного и слепого предательства. Однажды случилось—уже поздно вечером, что по тюрьме прошел какой-то беспокойный шум, и многие начали тревожно выглядывать из окон и спрашивать о причине, и Мазурин крикнул:—Успокойтесь, товарищи. Это, очевидно, редакторы пришли за нами, чтобы пригласить нас в народные представители!

Он верно понимал значение дарованных свобод и гаденького дешевого ликования по поводу их.

Таким был Владимир Мазурин в тюрьме, и даже уголовные, эти больные и слабые дети, любили его. Но так и не вышел он из Таганской тюрьмы. Когда его судили в первый раз, он держался с судьями резко и говорил правду, т. е., что нельзя же все этого считать и вправду судом. Раздраженные судьи приговорили его к высшей мере наказания, какое ему полагалось—к полутора или двум годам заключения. Сидел он в Орловской тюрьме, потом снова попал в в московский участок, а оттуда раненый при сопротивлении полиции—все в ту же Таганку. Не знаю, как он держался при вторичном разбирательстве, но ду-

маю, что по прежнему: он не принадлежал к числу покорных, и русское правосудие, как и русскую полицию, встречал одинаково оружием. Полицейских он не ранил, а из судей когонибудь, быть может, и задел словом, и они его убили.

Казнили его в Таганке, на одном из тех дворов, откуда так часто переключался он с товарищами, в Таганке, где в одной из камер сидел в то же время его младший брат Николай. Он был болен, у него еще не зажила и гноилась рана—сильно исхудал, и последние слова его были: „передай же матери, что я умер спокойно».

За деньги был нанят убийца, один из уголовных арестантов, и его жалкими подкупленными руками была прервана жизнь Владимира Мазурина. Через 15 минут тело было положено в гроб и немедленно отправлено на Ваганьковское кладбище. Так достойно самого себя завершил суд свое дело.

Да, он умер спокойно. Бедная Россия! Осиротела мать! отнимают от тебя твоих лучших детей, в клочья рвут твое сердце. Кровавым всходит солнце твоей свободы,—но оно взойдет! И когда станешь ты свободна, не забудь тех, кто отдал за тебя жизнь. Ты твердо помнишь имена своих палачей, сохрани в памяти имена их доблестных жертв, обвей их лаской, омой их слезами. Награда живым—любовь и уважение, награда павшим в бою—славная память о них.

Память Владимиру Мазурину, памяти!

Л. Я.

КТО ВИНОВАТ? ЧТО ДЕЛАТЬ?

Кто виноват?

Все! Каждый из нас! Кто не чувствует своей личной вины, у того оступела совесть, если она у него когданибудь была.

Время ли честным людям препираться между собою? обвинять друг друга? Беспощаден должен быть народ к предателям и ограждать себя должен от безумцев, но винить нам приходится и себя. Все ли мы сделали, что от нас зависело, чтобы не было розни и вражды в трудовом народе? Чтобы не было раздражающей несправедливости благоденствий отдельных лиц в минуту все-

народного бедствия? Чтобы помешать разрухе в армии, в промышленности, в сообществе, в продовольственном деле? Чтобы внести примирение, объединение, разумность, согласованность в действиях в трудовую среду? А если не все, то велика наша вина в происшедшем, и всем надо думать об одном: как поправить беду.

Как поправить беду? Что делать перед опасностью нашествия, перед опасностью крушения революции? Прежде всего сохранить хладнокровие, не поддаваться отчаянию, страху или чувству безразсудной злобы. Беда

еще поправима. Не истощены еще силы народные. Могуч еще дух свободы.

Только все мы должны проникнуться одним желанием: спасти страну, спасти революцию. Каждый на своем месте, по мере сил своих, пусть трудится и подает пример бодрости, смелости и спокойствия. При выборе своих избранных в советы народу не обходимо позаботиться, чтобы туда проникли люди дела, а не слова, решительные, разумные, преданные народу.

Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, в постоянном общении со своими избирателями, пусть стоят на страже свободы и прав народа, требуют от исполнительной власти хладнокровия и разумности в действиях: не нервничать, не раздражать насильями, а пробуждать дух гражданственности, связывая оборону страны с защитой трудового народа против гнета и эксплуатации, и призывая к народной организации.

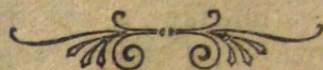
Люди, стоящие у власти! Вы чувствуете вашу ответственность, ваш долг! У вас нет

опыта. Ни у кого нет опыта управлять страной во время революции. Но любовь к народу, но долг перед страной вам указывают на необходимость объединять, успокаивать трудовой народ, примирять там, где грозит раскол.

В смутное время в семнадцатом веке, когда Россия гибла, ответственные люди не гнушались идти к строптивым казакам и умолять их идти на помощь Москве. Вы социалисты, вы демократы, не усугубляйте розни и вражды между социалистами, а объединяйте и разъясняйте, жертвуя личным самолюбием, амнистируя ошибки других, исправляя свои собственные.

Общими усилиями, общими жертвами мы можем все спасти.

Проклятие уклоняющимся!

ТЕРРОРИСТЫ

(жертвою павшие)

Драма из жизни Соц. Революц. Максималистов, в 3-х действиях.

(печатается с разрешения автора).

(Продолжение)

Действие 2 е.

Приемная тюремного лазарета. Белая комната, налево письменный стол доктора, в углу шкаф, на стенах шкафики с лекарствами и инструментами, направо кушетка, покрытая белым чехлом, 2—3 табурета, две двери—прямо и направо в перевязочную.

(На сцене доктор за столом сидит и пишет. Пауза. Из перевязочной слышен звон разбитого стекла).

Явление 1-е.

Доктор.-- (Кричит). Что ты там, опять что нибудь разбил?

Явление 2 е.

(Входит санитар).

Санитар.—Минзурку разбил нечаянно. Стояла окаянная, на длинном столе, я пыль стирал, задел как то, она и бряк на пол. Хрупкая очень посуда-то, чуть чего—она и разбилась.

Доктор—Хрупкая. Для таких медвежьих лап, как твои, конечно все чугунное, а не тонкого стекла нужно, обращай осторожнее—не будешь ломать.

Санитар.—А когда же фершел будет, он это умеючи, а мое дело какое, я новичек, только обучаюсь, известно—с непривычки и неловко манелько.

Доктор.—Я сам, дорогой мой, жду, не дожусь фельдшера. Старого отчислили, а нового не присылают. Больных много, работы с ними пропасть, а фельдшера вторую неделю не дают.

Явление 3 е.

(Входит надзиратель).

Надзиратель.—Пакет вам, Ваше высокопродие. (Подает пакет и уходит).

Санитар.—Не насчет ли фершала... Ой дай то Бог, скорее бы, а то старый то очень плох был. Все, бывало, вышивши и все это ругается, никогда от него доброго слова не

услышишь. Слава Богу, прогнали. На него вся тюрьма недовольна была, очень уж злой был.

Доктор.—Ну, довольно. Каков ни был—нет? теперь и нечего говорить. А вот новый то, все-таки, не скоро будет.

Санитар.—О, Господи, неужели фершала в городе нету?

Доктор.—В городе есть они, к нам из другого города переводят.—Гусева какого то, по протекции помощника начальника тюрьмы. Понимаешь?

Санитар.—А то разве нет? Я дошлый. Это значит помощник хлопчет за него.

Доктор.—(Смеется). Вот что, господин дошлый, сходи в канцелярию, отнеси ка вот этот пакет, да кончай приборку здесь в лазарете. Да смотри не ломай—осторожнее, а то ты на деле не особенно дошлый.

Санитар.—Погодите, я приучусь, диву дадитесь. (Уходит в среднюю дверь).

Явление 4-е.

(Входит начальник тюрьмы.)

Начальник.—(Здоровается и садится у стола) Здравствуйте, доктор, ну, как у Вас, все обстоит благополучно? Всем довольны? Кандидатов на тот свет много?

Доктор.—Нет, не совсем благополучно, Петр Михайлович, и не всем доволен.

Начальник.—Разве что еще не хватает?

Доктор.—Фельдшера не хватает. Подумайте сами, вторую неделю один вращаюсь без фельдшера. Сами знаете, тюрьма переполнена, больных много, работы—хоть отбавляй, а работать приходится одному.

Начальник.—А санитар?

Доктор.—Ну, санитар вообще плохая помощь, а теперешний в особенности. Новичек, не опытный. Станет прибираться, что ни будь да сломает, а о помощи и не говорит—ни повязки, ни бинта положить—ничего буквально не умеет. Учю, учун-икак не воспринимает.

Начальник.—Я тоже не знаю, почему Вам долго не посылают фельдшера. Мне мой помощник Андрей Иванович говорил, что его хороший знакомый к нам поступит. Опытный, говорит, и надежный.

Доктор.—Да, я вот получил отношение что он предназначается, да будет не ранее чем через неделю. Вот в чем несчастье.

Явление 5-е.

(Вбегает надзиратель.)

Надзиратель.—(Начальнику) Ваше Высочество, к телефону Вас экстренно

просят. Его благородие помощник сказали что в городе тревога, случай какой то произошел. Кого то арестовали, к нам ведут.

Начальник.—Какой случай? Кого ведут?

Надзиратель.—Не могу знать. Помощник приказали сказать..

Начальник.—Ну и болван, раз тебя посылают, ты толком должен узнать в чем дело. (Убегает, за ним уходит надзиратель). (Пауза. Доктор ходит по сцене).

Явление 6-е.

(Вбегает санитар.)

Санитар.—Доктор, Вы ничего не знаете, случай то какой, ужас прямо. Народу-то, говорят, народу то что...

Доктор.—Где народ? Говори толком.

Санитар.—Да как же, прибежал этой сейчас надзиратель. Семеновко, знаете, наверное, здоровый такой, рыжие усы еще. Запыхался...

Доктор.—Ну, Семеновко, ну, рыжий, так в чем же все-таки дело-то?

Санитар.—Ну вот я и говорю. Прибежал Семеновко и рассказывает, что генерал-губернатора, которого встречали сегодня, бомбами убили.

Доктор.—Убили? Шамилова?

Санитар.—Его самого. Говорят, прямо в ключья, аж брызги полетели. Ухнуло так, что стекла у домов полопались. Князя значит да лошадь убило, кучера немного ранило. Нашего здешнего губернатора тоже, говорят, здорово ранило, едва ли жив будет. А от Шамилова ни рук, ни ног не осталось. Голову разmozжило, кровью кругом сажени на две обрызгало. Ей Богу, бомбами, говорят, шарахнули. Бухнули два раза, должно, две бомбы. Он, Семеновко, говорит, далеко был и то у него в ушах аж зазвенело. Вот как.

Доктор.—А кто убил, не знаешь?

Санитар.—А ей-Богу, не спросил. Да их, говорят, сейчас к нам в тюрьму под усиленным конвоем доставят. Начальнику по телефону распоряжение есть.

Доктор.—Вот тебе и на! Вот тебе и пышная встреча сановника.

Санитар.—Сидите тут себе пописываете, а там ужаси происходят. Сколько дней в газетах писали и готовились. Семеновко говорит, что встретили очень хорошо, честь-честью, музыка была.

Доктор.—Да, действительно, встретили... Нечего сказать, лучше надо бы, да некуда. А музыку такую не дай Бог слушать. От нее у одних в ушах звенит, у других голова ломается. Ничуть не желал бы я, чтоб

меня встречали с такой музыкой. Б-rrrrrr. (За дверью шум. Санитар выглядывает за дверь).

Санитар.—Вот они. Привели. Наверно, к нам ведут. Сюда направились. Впереди начальник, а сзади конвою человек двадцать. (Пауза. Шум приближается).

Явление 7-е.

(Два солдата вводят Маню и Гарина. У Гарина голова и левая часть лба в крови. Маня идет поддерживаемая солдатом. Оба связаны. За ними входит начальник тюрьмы).

Начальник.—Вот, доктор, привели вам фруктов. Извольте полюбоваться. Недурно, а? (К Гарину). Ух ты мерзавец! А еще студент. Убить князя Шамилова! Как это вам нравится? Думал ли ты чтонибудь. За что ты его убил? Что он тебе сделал? У-у скотина! (К доктору.) Скажите, доктор, как вам нравится! Шамилов, видный государственный деятель, бывший министр, генерал губернатор и вдруг гибнет от рук какого-то молодкососа. Решиться убить Шамилова, а убить двух сразу. Как вам нравится? Он убил двух видных генералов, а с ним еще церемонятся. Полицейскому, который ему голову опарал—выговор сделали,—без суда, видите-ли, нельзя. Да какой, скажите пожалуйста, таким мерзавцам суд? На виселицу без разговоров—и кончено. Они убивают, а с ними нежничают, вице губернатор по телефону мне передает—окажите им медицинскую помощь, до прибытия прокуратуры. Еслиб не прокурор—я бы привел к доктору, как же, ожидайте милости. Вот, видите ли, краля. Девочка еще, а уже убийца, тоже поднялась рука бомбу бросить. И черт их знает откуда они храбрости нечеловеческой набираются. Слепо идет, зная, что капнут не сегодня-завтра, сознает и все-таки идет. Ну что ж сударыня, что вы скажете? Радуетесь небось перед виселицей, я думаю, настроение теперь у вас повышенное, радостное. Петь, плясать, наверное, хочется? Радуетесь, говорю, а? (Берет Маню за подбородок).

Гарин.—(Отталкивает плечом Начальника тюрьмы). Прочь от нее мерзавец.

Начальник.—(Опешил). Что? А, да ты так еще. Ты вот каков фрукт. (Сжав кулаки идет к Гарину).

Доктор.—Петр Михайлович, бросьте это глумление. Они интеллигентные люди и имеют право на вежливое обращение с ними. Зачем вы так?

Начальник.—Что? Вы за них, доктор? Вы заступаетесь за них? Да вы, батенька, знаете что делаете?

Доктор.—Знаю, Петр Михайлович, знаю. Я не могу смотреть на эту девушку. (Подходит к Мане). Что с вами?

Начальник.—Подтолкнул кто-то легонько, а она нежничает. Подумаешь, аристократка!

Маня.—(С трудом говорит). Били нас... Офицер какой-то, да городовые мне под ложечку ударили.. Едва дух перевела... Веревка режет руки.. Туго связали..

Доктор.—Г-м. (Развязывает Мане руки. Подставляет стул). Садитесь (К Гарину). А у вас, кажется серьезное поранение...) Осматривает голову Гарина). Ого, когда это вас?

Гарин.—На месте еще.. Помогите ей вот, доктор.. а мне не надо, я и так обойдусь.

Начальник.—Ну да, конечно, черта ему сделается, лоботрясу такому. (Подходит к Гарину, тычет в бок). У-у, скотина!

Доктор.—Ну, Петр Михайлович, это уж низко. Это уж арестанский прием. Разве так можно? Красиво ли это! Ведь он студент, а не бродяга, с которым не стоит считаться [Гарину] Идите в эту комнату, там вам промоют рану. Санитар идите. (Гарин и санитар уходят в перевязочную. Два солдата остаются у дверей, доктор ищет лекарство в шкафу.)

Начальник.—Мне, доктор, кажется, что вы симпатизируете им. Что вы так за них заступаетесь? Небось к остальным уголовным вы строги, а политических всегда жалуете. Давно я за вами, откровенно говоря, поглядываю. Не сидят ли в вашей голове их идеи. [Подходит к Мане]. Ну как теперь себя чувствуем, отдохнули, а?

Доктор.—(Быстро подходит к Мане). Пройдите и вы туда [уводит Маню в перевязочную].

Начальник.—Так... Хорошо.. Хорошо... Скоро ты у меня вылетит отсюда за подобные жалости.

Явление 8-е.

(Входит доктор.)

Доктор.—Петр Михайлович. Скоро мне фельдшера дадут? Примите пожалуйста меры. Мне одному трудно же.

Начальник.—Я сказал, хлопчите энергичнее у инспекции. Я тут совершенно не при чем.

Доктор.—(Подходит к двери перевязочной и кричит). Не так, не так, ах какой ты... сколько раз (учил... уходит в перевязочную)

Начальник.—(В ту же дверь). Ну, вы, доктор, скорее с ними возитесь. Их наверное скоро допрашивать будут. Сейчас при-

едут судебные власти. (Голос доктора) «Не беспокойтесь пожалуйста, когда можно — отпущу». (Начальник уходит). Солдаты, проводив глазами начальника, заглянув в дверь и убедясь, что ушел, вдруг оживляются и принимают непринужденные позы).

1-й солдат.—Эх, как они размазали князя-то ай-яй-яй...

2-й солдат.—Ты расскажи, Трофимов, в чем дело-то, я своим ребятам расскажу, а то, мы до сих пор ничего не знаем.

1-й солдат.—Да как же... Приехал, это, значит, князь Шамилов-то, ну, встреча как полагается, честь-честью, на вокзале хлеб с солью подносили, как будто он голодный приехал, так вот на, мол, покушай, рапорты, речи и все прочее, торжество, одним словом, оттуда поехал к собору молебен отслужить, с ним в карету сел наш губернатор, войска шпалерами, музыка, ура кричат, оба генерала это сидят важно, как будто это их и не касается, развалились в карете-то. Подъезжают к собору, вдруг эти барышня да студент бомбами, как по команде шарахнут под карету трах-трррах, да так здорово, ровнею из орудий. Ну... карета в щепки, а губернаторы в клочки... (оба смеются) Ох, и смятение-же поднялось, Боже мой, народу было видимо не видимо, как трахнули бомбы, дым поднялся, пыль, кровь брызнула... ничего не разберешь. Народ как бросится кто куда. Давка, рев, крики, сутолока началась такая, что не приведи Господи... Удрали-бы они в сутолоке то, да городской какой-то сшиб студента саблей по голове, он упал, на него и навалились, ну, а барышня перепугалась должно, ее, как воробышка, и взяли. Подлетел к ней офицер какой-то, очень уж усердный, пашку на голо взял, озверел, как только не убил ее бедную.

2-й солдат.—Эх, всех бы таких, как эти губернаторы, бомбами перекрошить, не измывались бы они над нашим братом. Стонут, стонут солдаты, живут на этой проклятой военной службе, как рабы, а они над солдатом чего хотят, то и творят и никакого ответа на все притеснения... Эх... говорить нельзя... рот зажать...

1-й солдат.—Вот, поди-ж ты, вольные, а вишь как расправляются за неправду, нам бы вовсе следовало крошить наших кровопийц, больше нас никто не терпит, не люди мы, а серая скотина, а они, вишь, белая кость, завладели право над нами и держат, как скотов, и бьют, и убивают, все чего им захочется и мы не смей ни рта разинуть,

ни дела сделать... Тшшш... идут... (оба становятся смирно).

Явление 9 е.

Входит доктор, и Маня, и Гарин (У Гарина забинтована голова. Маня только подбрала волосы, идет сама, без помощи).

Доктор.—Не поведаете ли мне, господин... а а а...

Гарин.—Нет, теперь у меня нет фамилии. Студент я, так и называйте.

Доктор.—Не поведаете ли мне господин студент, за что ваша партия осудила Шамилова, ведь, наверное, не сами вы придумали убить его...

Гарин.—Эх, доктор, разве вы не знаете деяний этого знаменитого, известного души-теля-князя Шамилова, разве не дошел до вас стон страдальца народа? В вашей тюрьме и то наверное, не мало перебивало тех, кого он запрятал в тюрьмы, на каторги, в острог.

Доктор.—(Солдатам). Выйдите, молодцы, за дверь. (Солдаты уходят).

Гарин.—Сколько народу он убил, сколько он перевешал и расстрелял и по суду, и без суда, по личному усмотрению. Вспомните ка его деятельность когда ему предоставили бесконтрольное право распоряжаться, подавлять восстания всеми мерами в крае... Вспомните как он использовал это право, как он подавлял революцию... какой ужас навел он на край карательными экспедициями, которыми он лично руководил и за которые получил повышение, награду, придворный чин, пост генерал губернатора и, что для него всего важнее, за что он больше всего лил рекою кровь—это поцелуй императора. Сотнями, тысячами убивал, расстреливал беспощадно, безо всякого суда и разбора, самым зверским образом расправлялся с теми, кто искал правды, кто жаждал свободы, равенства, братства. Всюду, где прошли Шамилов со своим отрядом, остались пепелище, развалины да наводящие холодный ужас, виселицы, горы тел. Убивал сотнями, громил деревни, фабрики, заводы, расстреливал крестьян, рабочих, студентов. Рекой лилась кровь. И все это в угоду самодержавию, все это ради получения чина генерала, да придворного чина... Эх... доктор, разве к вам не приходили такие же вот как мы... идеалисты, поборники за право, за свободу народа, за то, чтобы такого произвола не было, Разве вы не сочувствуете народу, не ненавидите этих кровопийц-палачей... (Волнуется, не может говорить, опускается на стул).

Доктор.—(Оглядывается на дверь, берет и пожимает руки Гарина и Мани). Милые, вы милые... сильные духом... стойкие, храбрые. И я когда-то работал за эти идеи, и я боролся, и я страдал. Вышел из университета с желанием мир перевернуть... а не... исковеркала жизнь... тина засосала... ради куска хлеба себе и семье вот в такое учреждение, как тюрьма, пошел... только и утешения, что помогаю униженным и оскорбленным, страдания облегчаю... а самому так тяжело здесь... не смотрел бы ни на что... на душе одна и отрада, что помогал вот таким, как вы... хлопотал об облегчении, переводил в сухие, теплые камеры... и даже в побег помогал уходить...

Гарин.—Спасибо вам за них. за тех, доктор, спасибо за сочувствие. Спасибо за помощь... Кроме всего разрешите узнать вашу фамилию.

Доктор.—Сливинский, а что?

Гарин.—Сливинский? Слава Богу, я слышал о вас. Мы, революционеры, всех знаем и врагов наших и друзей. Вас, доктор Сливинский, мы знаем как сочувствующего нам, не раз дававшего помощь. Я очень рад, что мы встретились с вами там, где вы можете оказать нам огромную помощь...

Доктор.—Пожалуйста, чем могу помочь, что в моих силах, я готов.

Гарин.—Только, ради всего если можете сохраните в тайне. Когда дело идет о нас самих, мы не боимся, но когда приходится говорить о других необходима осторожность.

Доктор.—Ну, говорите, говорите, не раз выручал и помогал другим, помогу и вам.

Гарин.—Ну, вот... я вижу—вам фельдшер нужен, есть опытный, хороший фельдшер, некто Филипов, устройте его сюда, к себе. Похлопочите за него—где следует, возьмите хотя на время. Он нам очень нужен. Ради Бога. Он сейчас нигде не служит. Пожалуйста.

Маня.—Миша, зачем ты говоришь?

Доктор.—Не бойтесь, не бойтесь, я не выдам, я видывал виды сам, можете надеяться. Провокатором не был и совесть не потерял. Скажите подробнее, где его достать, а там я постараюсь взять его, а не другого.

Гарин.—Пошлите за ним сначала секретно, переговорите где нибудь.

Доктор.—Я с ним у себя на квартире переговорю. Где он?

Гарин.—Крайняя, 37, квартира 8.

Маня.—Если там нет, то Высокая, 12. (Доктор пишет, вкладывает в конверт).

Доктор.—Вот, отлично. Как его имя и отчество?

Гарин.—Полностью-Филипов Иван Алексеевич.

Доктор.—Так, великолепно. Постараюсь чтобы был Филипов. Тишш... Переменю тему разговора (Умышленно громко, М-мм... Завтра утром пусть приведут вас переменить бинт.

(За сценой голос начальника.—Чего вы здесь стоите, а не там внутри, марш, на место).

Явление 10-е.

Входят начальник тюрьмы и солдаты.

Начальник.—(Солдатам) Кто вы, новобранцы что ли? Службу не знаете? Доложите караульному начальнику, что я вам замечание сделал. (К доктору) Ну, кончен прием? Что то долгонько вы с ними валадаетесь. Лечить таких фруктов... травить их надо, а не лечить. (К Гарину) Ну, как ваше драгоценное здоровье?

Гарин.—(Молчит).

Начальник.—Как здоровье, спрашиваю. Надеюсь вам оно необходимо, хотя и жить то вам осталось два-три денька, едва ли больше, но все таки. А как ваша фамилия? Вы еще не сообразовали записаться в нашей гостинице...

Гарин.—Молчит.

Начальник.—(Кричит) Слышите.. слышишь ты, как фамилия? Когда с тобой разговаривает тот, от кого зависишь сейчас тебе умереть, или через час-то ты должен отвечать. Ты, братец, сейчас у меня в безответственном распоряжении, вот где твоя судьба, вот в этих руках. Мне братец, с тобой можно не разговаривать, ухлопаю вот сейчас тебя, донесу, что ты оказал сопротивление и нанес мне хотя бы оскорбление действием и достаточно, все шито и крыто, мало того, —к повышению представят... Ну, как фамилия? Молчишь, так я заставляю ротик открыть, ты вот это видел, нет (показывает Гарину кулак)? Я не таких, как ты, дрессировал, мне только взяться за тебя, запоешь ты у меня новейшие романсы. Не будешь отвечать? Нет. Говори, нет? Так, в виде задатка, на.. (Замахивается ударить Гарина, доктор не дает) Доктор, вы меня в сомнение вводите, заодно вы с ним что-ли? Что вы все время за них заступаетесь? Не думаете ли популярность доктора Гааза заслужить? Скорее отставку заслужите. Стоит мне по начальству о вашем заступничестве донести.

Доктор.—Мне все равно. Я службой в таком учреждении, как тюрьма не, дорожил

и не буду, и служить с такими, как вы, я не могу.

Начальник.—А а-а... так. Ну, хорошо, так и запишем. Имейте ввиду, что это вам даром не пройдет. (Обращается к Мане). Ну, а ты что повесила головушку, голубушка? Попалась, а? Отжила, не живши, а? Революционерка идейная работница. Террористка или анархистка, или просто курсистка, а? Ха ха-ха... Выходила бы замуж, хлопотала бы у плиты, возилась бы с пеленками, ан нет—туда же... освободительница от ига какого-то... борец за идею, за свободу, за благо народа... Эх вы, знаю я вас, много вашего брата через мои лапы прошло. Тысячи вас погубит, а не добьетесь вы своего, зря только головы на плахи кладете.

Маня.—Неправда. Добьемся. Ни одна голова революционера зря на плаху не кладется. Каждая капля крови нашей вопит народу. Настанет пора, поймет народ жертву нашу. Восстанет страна, как один и плохо вам будет тогда, тираны, палачи. За каждую голову нашу народ сорвет десятки с таких как вы, поганый опричник. За каждую каплю нашей крови народ прольет потоки вашей. Душите, расстреливайте, старайтесь уничтожить нас, но напрасно, на место одного погибшего борца встанут десятки новых, горящих мщением. Не погубить вам никогда света из недр. Не остановить начала конца вашего. Скоро пробьет роковой для вас час. Скоро разразится над вами гроза, и страшная волна гнева народного сметет вас с лица земли. Ждите мести страшной и беспощадной, палачи... Будьте вы прокляты, вампиры. (Начальник тюрьмы вовсе время монолога Мани стоит заложив руки за спину, насунув брови и упорно смотрит на Манию.)

Гарин.—Не надо, Маня, стоит ли рассыпать бисер перед свиньей...

Начальник.—(Кричит) Молчать... Молокососы... убью (Хватается за кобур револьвера).

Гарин.—(Открывая грудь) На, стреляй...

Начальник.—(Повиная тоном, удивленно). Ух ты, шенок, злой какой, ай да студент! Ну, погоди голубчик, я тебя усмирю, ты у меня ласковый будешь... Ну, нечего рассуждать, я еще успею с вами поговорить. А с вами, сударынька, барынька, всетаки отдельно потолкую. (Обращаясь к солдатам). Ну, ведите их—его в 32-ю, а ее в 37-ю.

Доктор.—Что вы, Петр Михайлович!

Начальник.—А что? Бойтесь что убегут. Нет, дорогой мой, камеры надежные.

Доктор.—Я не про это. Ведь это же чуть не самые скверные одиночки. Сырые, темные, с тяжелым воздухом...

Начальник.—32 я и 37 я. Ничуть не бывало. Это не камеры, а комнаты не хуже любого фешенебельного отеля. Темноваты немножко, окшки малы, окрестности не видно, это не беда, по ночам звезды можно считать. Астрономию можно изучать, ха-ха-ха Телескопа, извините, не успели приобрести, ваш приезд так неожидан. Да! кроме сего их только в таких камерах и надо выдерживать, а то очень уже гонора у обоих много, недотроги.

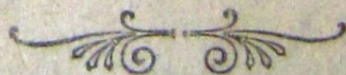
Доктор.—Петр Михайлович, туда нельзя. Я, как врач, настаиваю.

Начальник.—(Перебивая) А я, как начальник тюрьмы, знаю, куда поместить этих господ. Я за них отвечаю, а не вы, значит, не ваше дело. Им на два-три дня и эти хороши. Последний раз прошу не вмешиваться в круг чужих обязанностей. (Солдатам) Ну... что я сказал. Повторения дожидаетесь... марш!

(Солдаты подходят к Гарину и Мане и уводят их. За ними уходят начальник и наблюдатель).

ЗАНАВЕС.

(Продолжение в следующем номере).

ОБЪЯВЛЕНИЯ
ИЗДАНИЕ
ИЛИ ВИДЫ

ЦЕНА 30 руб.

(На ст. жел. дор. 40 р.)

Редакционный коллектив.